

— Больно, — голос Шаня слегка дрожал, и в нём прозвучала обида, совершенно ему не свойственная. Он указал на своё тело: боль от принятых снадобий и вчерашних жестоких событий стала сейчас особенно острой.

Вэйиньсы замер. Оказывается, тот самый Шань, который мог и глазом не моргнуть, когда острое клинка пронзало его грудь, умеет жаловаться на боль.

Он мог себе представить, насколько Шаню сейчас тяжело. Это снадобье изначально создавалось для пыток и оставляло ужасные последствия, ведь когда его решались применить, никто не рассчитывал, что жертва выживет.

При этой мысли крошечный, слабый укол совести, который он сам не хотел признавать, тихо заскрёбся в душе.

Но это чувство тут же было подавлено силой. Как он мог испытывать жалость к этому человеку? К тому, кто разрушил всю его жизнь!

— Так тебе и надо, — сухо бросил он, не оборачиваясь, вышел из комнаты и с грохотом захлопнул дверь.

В ту же секунду, как дверь закрылась, Шань слегка выдохнул: похоже, пока его не собираются выгонять. Он опустил взгляд на следы на своём теле, затем перевёл его на дымящуюся миску с мясным бульоном и подумал: нужно поесть.

Превозмогая острую боль, он медленно пошевелился, с трудом поднялся и прислонился к стене. Мучительные ощущения заставили его нахмуриться. Однако он, казалось, не обращал на это внимания, лишь молча стоял, глядя на закрытую дверь, словно пытаясь увидеть сквозь неё того мальчишку, который только что ушёл.

Вэйиньсы, выйдя из комнаты, не ушёл сразу, а тихо прислонился к стене в коридоре, прислушиваясь к тому, что происходит внутри.

Он слышал, как Шань осторожно двигается, как звенит ложка о край миски.

Его сердце словно что-то сжало, заставив ощутить тупую боль.

Может, он сказал лишнее?

Нет, не лишнее. Этот человек заслужил такое отношение.

Говорил он себе, но раздражение и чувство вины никак не желали исчезать.

В конце концов, решив больше не думать об этом, он направился к лестнице и поднялся на второй этаж. Там находилась его спальня. Войдя внутрь, он плотно закрыл дверь и тяжело рухнул на кровать.

Стоило ему закрыть глаза, как в памяти против воли всплыли глаза Шаня, полные недоумения и печали.

Лежа в постели, он невольно вспомнил родные края и тот день, когда впервые увидел Шаня.

В то время он жил в деревне у подножия Священной земли. В отличие от других, у него не было ни родителей, ни братьев, ни сестёр. Но, к счастью, из-за особенностей их культуры, все в деревне относились к нему с теплотой.

В культуре жителей Священной земли родственные связи были сведены к минимуму, а детей воспитывали специально назначенные люди. Будь то ремесло, охота, строительство, обучение или патрулирование — любая деятельность в жизни подчинялась воле Священной земли, которая определяла всё наилучшим образом.

Вэйиньсы мечтал стать либо членом охотничьего отряда, либо аптекарем.

Однако в этих правилах существовала особая, опасная работа, к которой допускались только мужчины.

На церемонии в тринадцать лет тех, кого избирала воля Священной земли, забирали из деревни. Они брали на себя тяжкий груз защиты Священной земли и самой деревни до конца своих дней.

Рождаемость у них была крайне низкой, но ради защиты Священной земли они жили очень долго, а их внешность после взросления почти не менялась. Те, кто оставался в деревне, могли прожить более восьмисот лет, и лишь перед самым концом жизни их тела начинали стремительно стареть. Когда население увеличивалось, некоторые, дождавшись преемника, добровольно уходили в глубины Священной земли, возвращаясь в объятия природы. Конечно, травмы, голод и болезни тоже могли оборвать их жизни.

Те же, кого выбирали стражами, получали жизнь, почти равную по продолжительности жизни лесов Священной земли, и не могли умереть естественной смертью, пока лес не погибнет окончательно. Однако плата была высока: без приглашения извне у них почти не было шансов покинуть пределы барьера Священной земли своими силами. Кроме того, изгнание или уничтожение чужаков было одной из обязанностей стража, что означало пожизненное заточение в этих границах.

Хотя статус стража даровал почти бесконечную жизнь, жизнь вне деревни была крайне опасной, и мало кто из стражей доживал до пятидесяти лет. Поэтому, когда кого-то выбирали, другие стражи возвращались в деревню, чтобы выбрать и забрать мальчиков, прошедших

церемонию, и взять их в ученики, обучая правилам Священной земли и способам выживания.

Обычно от момента избрания волей Священной земли до ухода из деревни проходило от нескольких месяцев до нескольких лет ожидания. Ведь стражи сами не знали, когда появится новый преемник, да и те, кто становился стражами, редко возвращались в деревню...

Но Шань явился сразу. Ещё даже не закончилась церемония у других, а Шань, словно боясь, что его опередят, поспешил вернуться и забрать его.

Вэйиньсы ещё не успел осознать, что ему придётся покинуть дом, как этот незнакомый мужчина, словно возникший из ниоткуда, посмотрел на него глазами, в которых сквозила радость и нескрываемая глубокая печаль. Он присел, крепко обнял его и тихо прошептал: — Пойдём со мной, Вэйиньсы.

Эта внезапная перемена напугал Вэйиньсы, он начал сопротивляться. Он просил помощи у жителей деревни, но никто из них, кто раньше был ему как родной, не захотел его удержать. Более того, они с радостью наказывали ему быть послушным и говорили, что Шань сам заберёт его вещи, так что волноваться не о чем. Прощаясь, они лишь просили не забывать навещать их.

Неужели его беспокоили только личные вещи? Он не хотел уходить из деревни, он хотел остаться, жить с жителями, а не идти за этим странным, непонятно откуда взявшимся человеком!

Но под прощальные напутствия односельчан он был насильно уведён Шанем, покинув то единственное место, которое называл домом.

Жизнь в лесу была скучной и суровой.

Шань учил его грамоте, распознавать древние письмена, похожие на каракули, которые он так и не смог освоить до самого побега из Священной земли. Учил сражаться, разбираться в растениях и животных, обрабатывать добычу, выплавлять металл с помощью магии, а также правилам выживания.

Шань в основном был добр, но в обучении проявлял необычайную строгость. Его методы были экстремальными и жестокими, и Вэйиньсы сотни раз думал, что не доживёт до того дня, когда останется с лесом один на один.

И вот, когда Вэйиньсы исполнилось шестнадцать, он решил бежать. Лучше быть съеденным диким зверем, чем подвергаться такому жестокому обучению. Это была его первая попытка сбежать от Шаня.

В тот день Шань подстрелил крупную дичь — столько, что двоим точно не съесть. Он решил отнести мясо в соседнюю деревню, чтобы обменять на ткань и металлические инструменты.

Поскольку путь был неблизким, но вернуться можно было за день, Шань не взял Вэйиньсы с собой.

Это был шанс, выпадающий раз в жизни. Пока Шаня не было, он, используя полученные от него знания, стёр свой запах и быстро покинул безопасную зону, очерченную наставником.

Вскоре Вэйиньсы заблудился в лесу и случайно забрел на территорию плотоядных растений. Лианы намертво оплели его, переломали конечности, лишив возможности вырваться. Хуже того, в его кровь впрыснули яд, и тело охватил огонь, словно внутренности и кости начали медленно растворяться.

<http://bllate.org/book/22458/2361948>